

ЕВГЕНИЯ
ТУР

ВОСПОМИНАНИЯ
О ВОЙНЕ
1877 И 1878 ГОДОВ

RUGRAM

Москва
2025

УДК 355/359
ББК 68.4
Т86

Тип Е.

Т86 Воспоминания о войне 1877 и 1878 годов. — М. : RUGRAM,
2025. — 108 с.

ISBN 978-5-517-13480-6

«Мне не шли молитвы ни на язык, ни на память. Я просто могла только безутешно и непрерывно плакать».

«Я лежала в постели недвижно и чувствовала смертельный холод во всем теле».

«И ожила я мгновенно, взглянула на нее, она вся пылала жизнью, огнем, краскою, и бросились мы друг другу на шею и плакали, плакали и крестились, и благодарили Бога».

УДК 355/359
ББК 68.4
ВІС FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-13480-6

© RUGRAM, оформление, 2025
© Т8 Издательские технологии,
оформление, 2025

Сахарово. 1880 года. 21 мая

Для внуков моих Ромейко-Гурко

Взяв перо в руки, чтобы описать для вас все тревоги и мучения, пережитые вашей матерью и мною в продолжение войны, мучений, которые едва не стоили жизни вашей матери, я, по необходимости тесно связанная с нею как чувствами матери, так и привязанностью моею к ее мужу, отцу вашему, поневоле должна говорить и о себе. По возможности я ограничу рассказ о себе настолько, насколько это возможно, настолько, насколько это необходимо для живого описания этих двух нам столько тяжелых годов. Слава и уважение всего края, которые заслужил отец ваш, достались вашей матери и мне очень дорого.

В апреле месяце 1877 года, после тревожной зимы, в продолжение которой вся почти Москва волновалась, требуя войны за освобождение болгар, война наконец была решена. Я не разделяла общего настроения, напротив того, я совершенно враждебно относилась к страстному настроению всей славянофильской партии и большинства публики, увлекшейся мыслию, одни о воссоздании единства славянского, другие чисто религиозною мыслию об освобождении единоверцев

христиан от ига турецкого, басурманского, как говорили в простом народе. По многим причинам, о которых упомяну только вкратце, все это движение мне казалось преувеличенным под влиянием передовых статей «Моск[овских] Вед[омостей]» и других газет, частью неразумных в политическом и государственном отношении. Мне казалось, что спасать других при неурядице нашего общественного строя немыслимо. При том наше безденежье, враждебное отношение Европы к этой новой форме той же страсти к завоеваниям мне являлись препятствиями непреодолимыми к достижению какого бы то ни было результата даже и тогда, когда бы война окончилась для нас блистательно. Но и это был тогда для меня вопрос нерешенный. Я боялась войны уже и потому, что при наших порядках, отсутствии ума в руководящих сферах, отсутствии людей и генералов, отсутствии улучшенного оружия в армии и беспорядках в управлении ее можно было ожидать не побед и славы, а поражений и стыда. Крымская кампания еще была свежа в моей памяти, еще свежее запечатлелась в ней франко-прусская война, началу которой я была свидетелем в Париже. Я видела, как уходили на войну бесчисленные полки, блестящие и стройные, распевая «Марсельезу», слышала на бульварах крики: «На Берлин! На Берлин!» И через год после этого видела разгромленные остатки этой же столь блестящей армии,

еще тлевший Париж, разбитый бомбами пруссаков и дымившийся еще от поджогов коммунаров, которые воспользовались разгромом для своих преступных, безумных целей. Я мало об этом говорила, но беспрестанно думала, очень волновалась и внутренне мучилась. Говорить было не с кем. Едва ли я могла найти сочувствие в десятке лиц во всем городе Москве. Всеми овладело какое-то повальное воинственное безумие.

13 апреля было рождение моего сына Евгения. Я желала помолиться за него Богу и помолиться тоже о том, чтобы Господь спас нас от всяких бед и напастей. На дом, по старому русскому обычаю, я просила привезти ко мне икону Иверской Божией Матери. Не могу сказать, чтобы я молилась, если под молитвою надо понимать чтение молитв с участием сердца. Мне не шли молитвы ни на язык, ни на память. Я просто могла только безутешно и непрерывно плакать. Странно звучали болию в сердце моем простые и столько раз равнодушно слышанные мною прежде слова священника: «Пресвятая Богородица, спаси нас». Теперь они получили какой-то страшный смысл, и я живо помню и теперь, как я встала на полу перед образом и без мысли, но с гнетущим чувством скорби повторяла про себя слова эти, обливаясь слезами. В доме моем находилась тогда вся семья Соловых, которую я всегда нежно любила, но с которою избегала всяких прений и разгово-

ров, потому что и она была заражена воинственным азартом. Одна только Варенька Новосильцева и княгиня Долгорукова, хозяйка дома, где я жила, разделяли отчасти мои опасения и мои печали по этому поводу. Я говорю отчасти, потому что они не так горячо, как я, относились к этому вопросу, и притом у них не могло быть того личного чувства, которое заставляло меня мучиться вдвое. У них не было близких в военной службе, а у меня был самый близкий и любимый человек, что я говорю — человек, сын в военной службе. Я разумею вашего отца. Он тогда командовал гвардейской дивизией и только что был произведен в генерал-лейтенанты.

Проводивши до кареты образ Иверской Божией Матери, я вошла в свой кабинет и села на диван, продолжая неудержимо плакать. Казалось, что слез не выплещешь. Они лились против моей воли.

— Ты знаешь, — сказала Варенька, — что война объявлена?

— Как?

— Да, объявлена, завтра, верно, будет в газетах.

Не знаю, как выразить, что произошло во мне. Слезы мгновенно высохли. Во всем существе моем поднялся мне самой непонятный гнев и ужас; гнев на людей, на общество, на прессу, раздувших пламень, накликавших войну; ужас, отчет в котором я, конечно, себе не объясняла.